

“Я ЖЕ КОМАНДИР...”

Среди офицеров принято: дал слово, так надо его держать.

А. В. Руцкой

Самолет летел к афганской границе, разлучая с Родной очередное нежнощекое и ясноглазое пополнение для сороковой армии, взятое из нового призыва. На борту самолета была также группа офицеров-“заменщиков”, которым предстояло занять должности погибших или отслуживших свое офицеров,— война в Афганистане шла не первый год. Двадцатитрехлетний старший лейтенант Владимир Киселев с детства очень любил читать военно-исторические книги, профессионально изучал военное дело. И все же, какая она, война, не книжная, не газетная, не из учебников? Насколько достоверно все то, что приходилось уже слышать от парней, вернувшихся оттуда? И скоро ли он снова увидится с мамой, “мамулечкой”, как нежно он всегда ее называл?..

Маленьким он часто болел. Сквозь дрему видел склоненное над ним встревоженное мамино лицо, ощущал, как прохладная мамина рука перебирала его светлые волосы и ложилась на горячий лоб. Вот, вложив свою ручку в мамину ладонь, он идет в детский сад. Мама посматривает на Вову и с улыбкой спрашивает: “И кем ты только у меня будешь?” Тоненьким голоском он отвечает: “Солдатом”,— и тоже улыбается в ответ. На нем не по размеру военная фуражка со звездой, а курточка стянута широким армейским ремнем. Это подарки дяди Миши.

У Александры Андреевны и Дмитрия Павловича Киселевых Володя был единственным ребенком. С детства он чувствовал заботливость родителей, нежность мамы и строгую любовь отца — Дмитрий Павлович, железнодорожник, знал, как куется характер настоящего

мужчины, и не потакал сыну в слабостях. В семье царил атмосфера сердечной привязанности друг к другу, доверия, доброты, и Володя рос добрым мальчиком. Другьям, которых в доме всегда было много, любил дарить игрушки, книжки. Не мог пройти без сострадания мимо бездомных кошек и собак, ласкал их и подкармливал.

Он подрастал, и детское желание стать военным не только не исчезало, а, напротив, укреплялось. То ли живые, интересные рассказы отца увлекли, то ли подтянутый, бравый вид военных с орденами на груди, как знать. Может быть, — все вместе взятое. Во всяком случае, он выбрал свою дорогу в жизни — стать офицером, защитником Родины — и шел по этому пути твердо и прямо: закончил сначала Ленинградское суворовское, а затем — Ташкентское общевоинское командное училище.

Восемнадцатилетний мальчик, он поступил в училище, будучи человеком со сложившимися взглядами, твердыми убеждениями, крепким нравственным стержнем. О таких людях говорят: это — Личность.

Мне рассказывали об эпизодах школьной Володиной жизни, и, выстраивая их в цепочку, я видела, как формировался его характер.

В третьем классе возникло у Володи первое мальчишеское чувство. После уроков он написал на асфальте: “Володя плюс Света равняется любовь”. Заметив встречающую его маму, закрыл своим телом надпись и лежал на асфальте маленький, в клетчатом пальтишке и зеленой шапочке с белым помпоном.

А в четвертом классе что-то не поладили мальчики с девочками, стали их обижать, даже поколачивать. На мужской разговор были приглашены отцы девочек и драчуны. Тогда Володя сказал: “Да мы сами разберемся: я больше никогда ни одну девочку не трону, и не потому, что боюсь, что меня родители поколотят. Но, в самом деле, зачем же обижать слабого?”

Другие мальчишки были того же мнения, что и лучший командир лучшего юнармейского отряда, — ведь в четвертом классе заслужить это звание было очень нелегко. Но Володя его заслужил, вот тогда-то, видимо, ребята и поверили в него. А для Володи тот урок стал уроком на всю жизнь.

В пятом классе на смотре художественной самодеятельности девочки решили танцевать бальный танец “Разрешите пригласить!”. Мальчики заотказывались: “Вот еще!” Но как только Володя сказал: “Будем танцевать”, – все согласились. Что ж такого было в Володе, что к его мнению прислушивались, что он стал признанным лидером в классе? Ия Ивановна Попенко, классный руководитель, говорит: “Он никогда в жизни не соврал”. “Володя был очень порядочным парнем, с большим чувством ответственности. А прислушивались к его мнению потому, что у него всегда было собственное мнение” – так считает Л. К. Зайцева, преподаватель литературы.

...Были литературно-исторические вечера. И были роли. И это тоже не проходило бесследно: формировались убеждения, позиция. Вот двадцатилетний подпоручик декабрист Якушкин – Володя Киселев – клянется, что не отступит от своих взглядов. Вот Володя в роли ведущего рассказывает об утонченно-подлых гонениях на Пушкина.

И мне становятся понятными строки его письма из Ташкентского училища, адресованные однокласснице. “<...> Знаешь, Марина, я помню твои слова: “Не будь солдафоном”. Вот я и стараюсь им не быть. Я не привык подчиняться тупым приказам. Я не стараюсь одевать маску пай-мальчика, когда есть командиры, а когда их нет, быть другим. Мне кажется, надо быть всегда самим собой. Он (ротный) пугает тем, что испортит мне диплом, не пустит в отпуск, но даже под этими угрозами я не изменяюсь. Я молчу, когда могу, срываюсь, когда не могу вынести этой армейской тупости. Я прекрасно понимаю, что не смогу их переубедить, но и отходить от своего мнения не собираюсь. Я не хочу ходить в увольнение за то, что буду докладывать ему о разговорах друзей, кланяться ему в ноги, говорить “да”, когда нужно сказать “нет””.

Это письмо человека с редкостно высоким чувством собственного достоинства.

...Крепла дружба с одноклассниками. Общие интересы, мечты. Вместе уехали поступать и учились в Ленинградском суворовском училище Олег Михеев и два Володи – Киселев и Медведев. Дружба с Олегом переросла в братство, судьбы их совпали – оба оказались в Афганистане.

Страна гор, раскаленных пустынь и цветущих зеленых долин. Разрушенные кишлаки, сожженные мечети и школы, дети-сироты. Таким увидел Володя Афганистан.

Володины родители показывали мне его письма. Хотя Володя писал из южной “командировки” и много, и часто, по письмам было трудно составить более или менее полное представление о его службе. Но Александра Андреевна показала еще одно письмо, написанное боевым командиром Володи Героем Советского Союза Русланом Аушевым. Об этом письме я скажу позже. А тогда мелькнула мысль встретиться с ним и попросить рассказать о Володе. Мне помогли в организации встречи, и в цейтнотной ситуации своей работы на съезде народных депутатов Р. С. Аушев выкроил для разговора несколько минут.

“Володя Киселев прибыл к нам в конце 1985 года командиром взвода и сразу попал в одну из застав, которая охраняла дорогу в Кабул. В ноябре месяце был назначен командиром роты и сразу принял участие в боевых действиях. Чем он отличался? Скромностью. У него был свой метод работы: без крика. Его простота и тянула за собой солдат”. А вот как об этом пишет сам Володя:

“...Теперь у меня работы прибавилось: я получил роту, так что теперь и ответственности побольше, да и требуют больше. Постепенно привыкаю к людям, к новым офицерам. Не все, конечно, сразу получается, как того хочет начальство, но стараемся, и Москва ведь не сразу строилась”.

Отдыхали редко: рейд следовал за рейдом. Старший лейтенант В. Киселев приобретал опыт и, по словам Р. С. Аушева, вел себя в бою уверенно, “мог предвидеть обстановку. У него было мало потерь. Нужно отметить сплоченность в самой роте, а это его труд, повседневный, командирский”.

Эти воспоминания созвучны описанию боя, данного в наградном листе В. Киселева, когда рота его действовала на самом тяжелом участке: “...В районе ведения боевых действий на колонну было совершено нападение мятежников. Быстро сориентировавшись, ст. лейтенант Киселев смело организовал отражение нападения мятежников силами двух БМП-2, грамотно руководя огнем личного состава и боевых машин. <...> При этом было уничтожено три закрытых огневых точки и два гранатометчика. В ходе перестрелки ст. лейтенант Киселев получил ранение, но поля боя не покинул, продолжая руководить действиями личного состава”.

Ранение оказалось тяжелым. В кабульском госпитале Володя был в состоянии клинической смерти, долго ле-

чился, тщательно скрывая от родных свое ранение. Домой из госпиталя писал: "Рейд был не очень трудным. Наелись вдоволь всего: винограда, дынь, арбузов, персиков, слив. В общем, был "фруктовый рейд"!". И, желая порадовать родителей, сообщает: "Моя рота заняла первое место в дивизии. Вручили вымпел, все как положено".

И вот Володе предоставили отпуск. Была у него возможность остаться в Союзе, но Володя родителям сказал: "Ведь я военный специалист, кадровый военный. Шесть лет меня этому учили". Перед отъездом Володя зашел проститься к своей учительнице И. И. Попенко и на ее слова: "Володенька, береги себя", — ответил: "Я, конечно, берегу себя, Ия Ивановна, но я же командир, на меня солдаты смотрят". Иначе Володя и не мог поступить.

Сейчас, когда слышишь о том, как некоторые офицеры дважды принимали присягу, я даже не задаюсь вопросом, а мог ли поступить так Володя Киселев? Да никогда в жизни! Понятия *честь* офицера, *слово* офицера он обеспечивал золотым запасом высшей пробы — своим собственным достоинством.

...Снова Афганистан. Снова рейды, бои. За храбрость Владимир Киселев представлен к ордену Красной Звезды.

Снова часто пишет домой. Письма обычно бодрые и сердечные: "Здравствуйте, мои дорогие папа и мама! Получил ваше письмо прямо на боевых действиях. Было очень приятно. Прилетел к нам в горы самолет, а там, оказалось, и письма есть. Редко у нас такое бывает, так что вдвойне приятно. Прибыли мы 27 сентября, а уже 2 октября — в готовности опять уйти. На этот раз, наверное, уйдем надолго, где-то на месяц. <...> Смотрите телевизор, читайте газеты. Писем, может быть, долго не будет. <...> Со всеми командирами живу сейчас отлично. Сам чувствую, работа идет. <...>

...Особое внимание командования было обращено на охрану афганской "дороги жизни", что вела с севера страны на Кабуд через туннель перевала Саланг. День и ночь шли по ней машины с топливом, продовольствием и медикаментами. Мятажники знали: будет уничтожена дорога — прекратится снабжение Кабула и других городов.

В ночь на 16 октября 1986 года хорошо вооруженный отряд из нескольких сот моджахедов занял удобные позиции у перевала Саланг. И вот на дороге показалась длинная колонна машин. Мятажники повели прицельный огонь. Столбы черного дыма поднялись в небо, слышался

непрерывный грохот. Старший лейтенант Киселев доложил по рации: “Наблюдаю горящие машины в квадрате... Духи бьют из засад по голове колонны и ее замыканию. Резервная группа поста готова ударить с тыла...”

“Действуйте по обстановке”, – ответили в штабе. За изгибом дороги, в узком месте, две горящие машины создали огненную баррикаду, встав поперек шоссе, а за этой преградой стояли наливники, по которым били с гор. Душманы, потеряв пулеметные точки под прицельным огнем мотострелков, пятились в горы. Вот тогда рота Киселева ударила в тыла, приняв весь огонь на себя.

В ходе боя Володя заметил мятежника, целившегося в рядового А. Смирнова. Не раздумывая, В. Киселев оттолкнул его, тем самым ценой собственной жизни спас жизнь солдата. Его положили в бронетранспортер. Бой продолжался...

Солдаты любили и помнили своего командира. После его гибели они назвали экипаж боевой машины, на которой Володя выполнял задания, его именем и сделали надпись: “Экипаж имени кавалера орденов Красного Знамени и Красной Звезды старшего лейтенанта Киселева В. Д.”.

Однажды, выступая с концертом в Афганистане перед полком, в котором служил Володя, певица Э. Пьеха услышала просьбу солдат: “Пожалуйста, передайте поклон семьям погибших старших лейтенантов Акрамова из Сибири и Володи Киселева и привет бывшему начальнику штаба полка Аушеву Руслану, он сейчас на Дальнем Востоке”.

Снежные вершины гор, тяжелые бои, ушедших из жизни солдат и их командиров Р. Аушев вспомнит не раз, но с особым чувством волнения – Володю Киселева. Вот строки письма родителям. Кажется, не рукой оно написано, а сердцем, всеми его чувствами: “Здравствуйте, Дмитрий Павлович! Примите мое соболезнование по поводу гибели Владимира. <...> Я не буду все описывать, единственно скажу, что Володя – мужчина с большой буквы и в этом бою он еще раз это доказал. Никакие слова не утешат Вашу боль, но я уверен, что Вы понимаете, что из-за таких ребят, как Володя, и стоит наша страна, растут дети, живут все люди нормальной жизнью в стране и в мире...”

Никакие слова не могут утешить родителей, в доме которых все дышит памятью о дорогом сыне. Никто те-

перь не в силах что-либо изменить. И день 16 октября навсегда останется траурной датой родительского календаря. До последнего дыхания будут жечь сердца родителей строки писем Володи, наполненные сыновней любовью к ним. Поздравляя отца с днем рождения, Володя подписался: “Очень любящий тебя сын Вова”. Из письма маме: “Для меня ты всегда останешься самой любимой женщиной на свете, любимой мамочкой, а со своей стороны я приложу все усилия, чтобы ты за меня никогда не волновалась... Спасибо за все, что ты дала мне. Вечно любящий тебя Вова”.

Е. Супакова